

МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

О семье великого советского поэта, о его детских и юношеских годах рассказывает недавно вышедшая книга «Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг.».

Как писателю-документалисту мне самому довелось немало заниматься семейными архивами, и поэтому я оказался, что говорится, в родной стихии, взяв книгу «Семья Маяковского в письмах. Переписка 1892—1906 гг.»* С каждой новой прочитанной страницей у меня крепло уважение к людям, затеявшим очень нужное дело — собрать все письма поэта и его семьи. Уже первая книга (а будем надеяться, что появятся и другие) вобрала в себя 348 писем, из которых более трехсот никогда не публиковались ранее.

О месте, где родился поэт, о его детских годах, о родных и окружающих мы всегда читаем с жадностью, потому что именно эта среда формирует характер человека и оставляет неизгладимый след в его творчестве. И вот обрастают плотно в письмах родных великого советского поэта Маяковского слова официального свидетельства о том, что в грузинском селе Багдади в 1893 году «родился седьмого, крещен восемнадцатого июля Владимир; родители его: дворянин Владимир Константинович Маяковский и законная жена его Александра Алексеевна, оба православной веры».

Тут же фотографии семейного альбома, многие из которых воспроизводятся в книге тоже с пометкой «Публикуется впервые». И еще ярче представляется некогда глухое село Багдади. И семья детского лесничего — жена, дочери Людмила и Ольга, сын Владимир, родившийся в день рождения отца и потому названный тем же именем.

Легенда возводит род Маяковских к одному из запорожских атаманов — Демьяну Виременко. В родословной книге 1820 года числится полковой есаул Кирилл Маяковский. Внук его Константин, женатый на двоюродной сестре писателя Г. П. Данилевского, перебрался служить на Кавказ, где и родился его сын Владимир — отец поэта. Дед по матери — Алексей Иванович Павленко — капитан Кубанского пехот-

ного полка, Георгиевский кавалер, принимал участие в обороне Севастополя, погиб от тифа в 1878 году, во время русско-турецкой войны.

Семья Маяковских жила на одно жалованье лесничего, кое-как сводя концы с концами. Умирали дети во время эпидемий — в Багдади не было врача. Высокий, широкоплечий, с подвижным загорелым лицом, Владимир Константинович был обладателем прекрасного грудного баса, доставшегося по наследству, вместе с ростом, и поэту. Начитанный лесничий находил время заниматься наукой, селекцией. «Волшебником и художником» назвал его Максим Горький во время своего путешествия на Кавказ.

В письмах Владимира Константиновича и Александры Алексеевны к детям, учившимся в кутаисских гимназиях, отчетливо проглядывают черты быта семьи, атмосфера взаимной любви и заботы. В письмах детей, называвших на украинский лад родителей на «вы», звучит искренность и полное доверие.

Воплощением доброго гения семьи была мать поэта Александра Алексеевна. Осиротевшая в детстве, она не закончила гимназии, но, благодаря большим способностям, трудолюбию, пониманию прекрасного (хорошо рисовала, сочиняла стихи), стала замечательной воспитательницей своих детей. Нелегкой была жизнь семнадцатилетней, не по летам серьезной и рассудительной девушки (тогда еще помощника лесничего) Владимира Константиновича. Свою бедность они принимали как должное и не дали будничным заботам заглушить большое чувство, поэтические наклонности.

В простых словах писем Александры Алексеевны к детям видятся ее доброта и сдержанность, воля и скромность, деликатность и ровность в обращении с людьми. Все в семье знали грузинский и армянский языки. Родной, русский, звучал особенно сочно в устах отца, любившего народные прибаутки и сказки. О том, как прививалась любовь к классике, рассказывала сама Александра Алексеевна: «Володя с четы-

рех лет полюбил книги. Он часто просил меня читать ему. Если я была занята и не могла читать, он расстраивался, плакал. Тогда я бросала все дела и читала ему — сначала сказки, а затем басни Крылова, стихотворения Пушкина, Некрасова, Лермонтова и других поэтов». Обладая исключительной памятью, будущий поэт запомнил стихи на всю жизнь.

И мы знаем, как ранний Владимир Маяковский любил русское классическое слово, как читал на память всего «Евгения Онегина», баллады А. К. Толстого, громадные куски прозы Гоголя. В стихах зрелого Маяковского народные выражения, разгворные интонации очень органичны.

Интернационализм Маяковского общезвестен. И он тоже уходит своими корнями в его детство. Вот мать рассказывает в письме к дочери об Имрисе... В лесничестве было восемнадцать объездчиков, все грузины, кроме лесника Имриса, который служил с отцом поэта еще в Армении и поехал вместе с ним в Грузию. Маленький Володя просто лнул к объездчикам и особенно к Имрису, очень любившему детей багдадского лесничего. В семье Маяковских его даже в шутку называли «усатый нянь». Это выражение Маяковский потом использовал в поэме «Хорошо!».

Казалось бы, какое нам дело до простых семейных писем о том, как члены семьи проводили праздники или говели, как папа столарничает, а мама солит впрок рыжики, капусту, солонину и гусей. Или о шалостях детей, об их одежде, которую шили дома и посылали в кутаисскую гимназию на полутных дилижансах, об отметках, поставленных преподавателями Люде и Володе... Но когда речь заходит о детстве поэта, все это становится крайне интересным, и особенно тон писем, передающий семейную сплоченность, нравственное здоровье Маяковских.

Право же, хотелось бы, чтобы эту книгу прочли и педагоги, и родители, и подростки. Мы знаем о горьком детстве, о неурядицах в семьях некоторых великих поэтов.

Но любопытно, что два великих современника — Есенин и Маяковский — всегда благоговейно относились к родным. В самые беспокойные времена, в минуты душевных смятений они неизменно обращались за поддержкой к семейным воспоминаниям, с трепетным чувством зывали к матерям.

Чем старше становится младшее поколение семьи Маяковских, чем ближе революционная страда 1905 года, тем пространнее письма. Сестра Люда делится впечатлениями от Москвы, домов, улиц, Третьяковской галереи, Художественного театра, Кремля... «

1905 год. Вся страна в брожении. Кутаиси тоже.

Ольга Маяковская пишет: «А сегодня вечером опять был бунт около бульвара. Говорят, что было несколько смертельных случаев... Сегодня все гимназисты, реалисты и городисты срывали свои гербы с шапок. У Володи тоже кто-то сорвал герб...» Мать сообщает: «В Кутаисе на бульваре ораторы говорили речи по поводу манифеста, Оля и Володя ходили слушать, но обошлось тихо, без казаков. Много происходит убийств и грабежей, и в Гурии сильное столкновение с войсками, теперь в России летят больше крови, чем в Маньчжурии».

Письмо от отца: «Я физически здоров; но душа болит, смотря, как дети сидят без занятия и кругом грабежи, убийства и разбой... Наш Багдади в минорном теперь настроении, так как все получают теперь анонимные письма, кроме меня...» Но с «физическим здоровьем» вскоре стало плохо. Лесничий, шивая бумагу, проткнул палец иголкой. Торопясь заплатить своим объездчикам жалованье, он вовремя не обратился к врачу и умер от заражения крови. Начались худшие времена для семьи Маяковских — хлопоты о пенсии, настоящая бедность...

На этом кончается первая книга писем семьи Маяковского. И она говорит о том, что Маяковский, каким мы его знаем, начинается с раннего детства. Сестра его Людмила Маяковская, рассказывая о врожденных и воспитанных семейных твердых нравственных качествах поэта, добавляла: «Володю не изменили ни формализм, ни среда, с которой ему приходилось соприкасаться, а скорей он сам влиял на окружающую среду».

Остается только поблагодарить издательство «Московский рабочий», осуществившее с большим вкусом очень важную публикацию.

Д. ЖУКОВ.

* Издательство «Московский рабочий», 1978 г. Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарии В. В. Макарова, под редакцией В. В. Воронцова.

Каш. Москва, 1979, 3 янв.